

Около пяти с половиной тысяч изделий нашей промышленности удостоены государственного Знака качества.

ПЕРЕХОД КАЧЕСТВА В КОЛИЧЕСТВО

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Вл. МАСС

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Этой даты нет для нас дороже.
Эта дата — смотр великих дел.
Вот и «Крокодил» сегодня тоже
лирики и песен захотел.

Славный день рожденья Новой Эры
празднует Советская страна.
От Москвы и до самой Венеры
правота ее утверждена.

Все уже давно готово к встрече.
Ведь недаром праздник Октября
ярко-красной краскою отмечен
на листках ее календаря.

Озарен знаменами заводов,
школ,
лабораторий,
шахт,
полей,
спаян вечной дружбою народов
этот самый праздничный из дней.

Вся страна живет с сознаньем твердым:
путь прочерчен,
нет других дорог!
Что наметил Съезд двадцать четвертый,
будет точно выполнено в срок.

Письма...
Пожеланья...
Поздравленья...
Песни под гитару и баян...
Вместе с нами этот день рожденья
празднуют народы братских стран.

Наше дело признано не всеми.
Но не скрыть и недругам сейчас,
что боятся Времени,
что Время
целиком
работает на нас...

И, как в пору
ленинских декретов,
словом правды,
рвущимся в эфир,
снова в эти дни
Страна Советов
громко заявляет:
Миру — мир!

Как всегда,
без страха и сомненья
смотрит вдаль уверенно она,
потому что в этот день осенний
на душе у каждого — Весна!

Рисунок А. КРЫЛОВА

Заполярье как на ладони

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

«Я тоже мог бы рассказать тебе о Севере, но только ты об этом лучше песню расспроси»,— мягко замечает поэт.

Слов нет — уместное сочинение. Только больно уж лирическое: никаких тебе информационных отступлений,— и это нехорошо. Это даже плохо.

Вот и начнем с информации.

Не впадая в крайности, скажем: от других краев Север отличается тем, что там имеется Заполярье.

Ну, а так там имеется всё. Хотя бы есть на Севере хороший городок, называющийся Огонек. Или Мама, Палатка, или Пламенный, Верхний Парень, или Сиреники. И даже, пожалуйста вам,— Коля Умный тут как тут. Но только это опять лирика.

А вообще Север — это «сырьевая база», поэтому он и должен иметь всё. Он и является источником:

а) **Полезных ископаемых.** Однажды, например, на Тенькинской трассе грузовик, на котором я ехал, вынужден был свернуть с трассы и буксовать в болоте, потому что промприбор намывал золото прямо из дороги.

б) **Археологических диковин.** На реке Анюй, например, есть остров, чуть ли не целиком состоящий из костей мамонтов.

в) **Мужества.** Из письма, например, в редакцию: «Так вот и ходил я по тайге и тундре и ничего, кроме мужества, не испытывал».

Так что, как видите, на Севере есть еще и экзотика. Экзотика, которая влечет к себе. Туристы со всего Союза так избродили эти края, что термин «не ступала нога туриста» здесь уже и неупотребим.

* * *

Но у нас сугубо прозаический рейс. На грузовом самолете АН-12 мы везем на Север десять тонн яблок и помидоров.

Летим «по эстафете»: перегоняем самолет до Тикси и спим там двенадцать часов, а за это время наш самолет «уведет» в глубь Якутии к золотодобытчикам другой, выспавшийся экипаж. А пока мы спим, в Тикси прибудет самолет с помидорами, который вылетает из Москвы следом за нами. И уж эти помидоры мы повезем дальше, на Чукотку, в Певек.

Самолеты с разным овощем-фруктом пошли на Север так густо, что чуть ли не гуськом.

Все перевозимо самолетом. Летают здесь яйца и костюмы, парфюмерия и сметана, телевизоры и медикаменты, трубы... А однажды целый год путешествовал по всему Северу дизельный двигатель. Завозили его до полусмерти, но хозяина так и не нашли. То ли заказывали его геологи, то ли гидрологи, то ли метеорологи, то ли стоматологи...

А если стоматологи, так это, наверное, для мамонтов, которые до сих пор здесь, по некоторым сведениям, похаживают. Зубы чтобы им (мамонтам) сверлить.

Зубы ихние я видел, а вот самих мамонтов — нет еще. Я больше на другом чудовище специализировался, на «черте», который в Якутии на необитаемом Сордонгнохском плато в озерах ютится и которого искали уже три экспедиции — из Москвы, Таллина и Дубны.

Я тоже в одной участвовал, но тоже особенной чертовщины, как на грех, не углядел.

Местные якуты вели себя потом явно несерьезно.

— Черт? — спрашивали они.— Да. Конечно. Он там есть. В любой воде есть. У нас — черт, у вас — водяной.

* * *

...«Материк» уже позади. Дозаправившись топливом в Воркуте, мы летим над Ямало-Ненецким национальным округом.

В Москве сейчас ночь. А здесь солнце лупит в глаза, оба пилота прячутся от него за темными щитками. Из-за шторки внизу, где сидит штурман Ижутов, струится то ли дымок от «Беломора», то ли парок от штурмана, которому в застекленном носу самолета деваться от солнца некуда. Бортпроводник Кубышкин разогревает на плитке аэрофлотовскую курицу.

Гвоздики буровых вышек в тундре сейчас едва заметны сверху. Кое-где они понатыканы так часто, что об них можно расчесывать облака.

А восемь лет назад геологи только еще начинали забуриваться в тундру. Это сейчас они ездят и летают по всему полуострову, а тогда, восемь лет назад, когда мне нужно было попасть на одну из факторий, какой-нибудь воздушной оказии ждать можно было неделями.

А зима была. А в кармане у меня было письмо с этой фактории о том, что у них там пригрелись жулики.

Самолетами ближе, чем на триста километров, я к ним не подобрался, оставались только олени.

Звезды едва пузырились сквозь дрожащую муть полярного сияния, когда с оленеводом Сянгоби мы выехали из поселка Яр-Сале.

Визжали под нартами сугробы, я хватал куски снега и демонстрировал Сянгоби знание ненецкого языка.

— Сыра,— говорил я о снеге.— Нгэва,— показывал на голову.— Хамолы!..— сыпал снег себе на капюшон.

Я хотел сказать, что мы вот свалимся на жуликов как снег на голову.

— Так и будет,— подтверждал Сянгоби.— Действительно.

И действительно. Грянул снег на голову. Налетел буран, захлестал по лицу острой крупой. Сразу стали олени.

Через десять минут нас уже не было на белом свете. Да и белого света тоже, кажется, не было. Съежившись покомпактней, мы лежали под снегом, как куропатки,— «куропашкин чум», как говаривают ненцы.

Несколько часов мы так полокоились, а потом, когда буран немного присмирел, Сянгоби выбарахтался на поверхность, нащупал меня хореем и спросил:

— А тебе долго надо?

— Километр,— окоченело сказал я, так что Сянгоби сразу понял: пора поворачивать обратно.

Оказывается, из моих лихих речей по-ненецки он усвоил главное: мне для литературных впечатлений позарез требуется буран, чтобы полежать в «куропашкином чуме».

Пришлось поручать жуликов заботам майора милиции Смеховича.

Теперь не то. Теперь только на попутных самолетах и вертолетах можно за месяц облетать чуть ли не весь полуостров. И не только с нефтеразведчиками, которые здесь главные заказчики. В августе это можно сделать с районо, собирающим детей по тундре после каникул в школы-интернаты.

...Командир вертолета — Хасаншин, второй пилот — Кузнецов, бортштурман — Вануйто. Вануйто — внештатный бортштурман, он инструктор райкома. Но сейчас без него пилотам трудновато, потому что Вануйто отмечает на карте передвижения оленьих стад, при которых имеются школьники.

Летим к стаду Мэйдася Неркагы, а потом — дальше, по Томбойтонской тундре.

Впереди на желтом ягеле бурое пятно. Стадо.

Садимся. Шестеро оленеводов, скрестив под малицей руки на груди, выжидательно разглядывают машину, а дождавшись посадки, выпрастывают правую руку в рукав и подходят здороваться.

Разговор короткий и по делу.

ВАНУЙТО. Ну, давай, собирай своих.

НЕРКАГЫ. Зачем собирать — вон они. (Из чума один за одним выходят четверо несовершеннолетних Неркагы с чемоданчиками.)

ВАНУЙТО (доставая карту). Куда нам тут еще лететь за детьми?

НЕРКАГЫ. Зачем лететь — вон остальные. (Из других чумов тоже подходят школьники, предусмотрительно собранные им в одно место.)

ВАНУЙТО. Ну, молодец! А вообще как дела? Как поголовье? Волки много молодняка утащили?

НЕРКАГЫ. Зачем утащили — я сам волка утащил. Вон у меня в чуме сидит.

ВАНУЙТО. Опять молодец! (Мне, потихоньку: «Он же у нас орден Ленина имеет!»)

Дальше я не дослушал и вместе с пилотами побежал взглянуть на волка. Тот сидел на короткой цепи и грыз кость, не обращая ни на кого внимания.

Когда мы вернулись к машине, школьники, прокричав на прощание «Лакомбой! Лакомбой!», полезли в вертолет, а Вануйто поспешно закруглял профессиональный разговор с юным зоотехником Петей Кожуховым.

И уже в полете Сережа Неркагы по моей просьбе, хоть я и знаю чуть-чуть ненецкий язык, принялся записывать пассажиров в мой блокнот: «Неркагы Сергей, Хороля Ялтане, Неркагы Наталья...»

* * *

...Проплыла внизу широченная Обская губа, и теперь мы идем уже над Таймыром, над Долгано-Ненецким национальным округом, к Норильску. Прямо над жирной ниткой газопровода идем.

О самом Норильске писать, наверное, и не стоит. Уж столько восторженных восклицаний раздавалось в его адрес и по радио, и по телевидению, и в печати!.. Я сам восклицал.

Поэтому можно просто мимоходом ошеломить читателя сообщением, что Норильск выпускает столько полиметаллов, что ему завидуют все предприятия мира.

И неизвестно еще, насколько этот выпуск возрастет, потому что геологи активничают на полуострове вовсю.

С валунно-поисковой партией Сивака мне довелось поколесить на вездеходе, вертолете и так, пешочком, вдоль горных ручьев и речушек в районе реки Рыбной.

Рыба там действительно была. И даже много. Кроме нее, в руслах были валуны с инородными вкраплениями, которые надо было изучать, и медведи, из-за которых надо было досадовать. Нечистыми на лапу они оказались. Сначала ограничивались воровством консервов, а потом разнюхали, где зарыт запас сливочного масла, выкопали ящик, половину масла слопали, а остаток зарыли обратно и даже землю разровняли в меру способностей.

Геологи раздосадовались, но как-то лениво, за исключением Сани Бархатова, который возбужденно забегал с ружьем. Во-первых, сталкиваться с медведями Сане приходится нечасто: он кабинетный работник, он геолог группы подсчета запасов. А во-вторых, он долганин, и в нем во весь голос заговорил потомственный охотник. Поэтому Саня кричал и ругался, убеждая остальных устроить облаву на медведей. И пока он кричал, медведи убрались восвояси.

* * *

...После Таймыра совсем разъяснело, и в Тикси мы сели совсем при безоблачности и в жару. Здесь у нас двенадцатичасовой отдых.

И здесь уже Якутия со своими золотыми, алмазными и оловянными приисками.

со стр. 3.

ЗАПОЛЯРЬЕ КАК НА ЛАДОНИ

Вот пока мы будем спать, наши помидоры-яблоки как раз и угонят к золотодобытчикам.

Конечно, основные пути здесь воздушные, особенно летом, пока не затвердели автомобильные «зимники» на болотах.

Летом же можно еще и по воде.

...Теплоход «Богатырев», названный так в честь первого капитана-якута, каждому поселку на Алдане неизменно салютовал из динамика «Бригантиной», потому что не только пассажиры, а и команда и даже капитан Виктор Тюрнев были в самом-самом «бригантинном» возрасте, да еще студенты-якуты ехали по домам на каникулы. На верхней палубе то и дело вспыхивали танцы.

Возле Дыгдала навстречу попался теплоход «Курашов», и по какой-то там надобности обоим судам надо было на минутку пришвартоваться друг к другу прямо посреди реки.

Пришвартовались. Сделали дело, надо было расходиться. Теплоходы подудели сиренами, «Богатырев» включил «Бригантину»... И ни в какую. Пассажиры облепили борта обоих судов и, крепко взявшись за руки, не отпускали теплоходы. Смеялись.

А потом были Джебарики со своим угольным пластом. Высоченный речной берег, на нем шахтерский поселок, под поселком — пласт. Вход в шахту — прямо с берега, тут же и баржи под уголь. И никаких тебе подъемников: пласт горизонтальный.

А внутри по лавам и забоям хоть на грузовике катайся. Во-первых, толщина пласта — четыре метра, во-вторых, почти никакого крепежа из-за вечной мерзлоты, в-третьих, пласт взрывают целыми залами. И к тому же грузовик не забуксует, потому что в шахте всегда сухо: температура не колеблется — только и бывает что минус четыре.

— И если вы будете об этом писать,— предупреждали меня шахтеры,— то обязательно скажите, что вакансий у нас нету. А то ведь от зависти столько народу может понаехать!

* * *

— Утро вечера мудренее,— сказал командир экипажа Зотов, ложась спать в Тикси. Это он потому сказал, что, когда мы прилетели в Тикси, дальнейший наш путь был закрыт из-за плохой погоды в Певеке.

— Туманно-таки,— сказал Зотов.

По какому времени считал он свое мудреное «утро-вечер»? По-московскому сейчас пять часов. А чего — утра или вечера? И здесь, в Тикси, что? Полночь? Полдень? На небо вылезли тучи, и по солнцу не определишься.

По поселку мыкаются парочки, шумно гуляют по водопроводным коробам менестрели с гитарами. Ага, значит, только что закончился вечер художественной самодеятельности. А раз «вечер», значит вечер в смысле полночь... А который же час в Певеке?..

Ладно, бог с ним. Главное, что погода в Певеке наладилась и мы вылетаем.

Наши помидоры-яблоки уже улетели. Теперь у нас новый самолет — с одними помидорами.

Вылетели из Тикси.

Прилетели в Певек.

Выгрузили помидоры, а обратно «на материк» лететь пока не с чем. Должны были загрузиться концентратом олова, но столько налетело самолетов, что весь концентрат увезли. Придется грузить его в Магадане.

Но в Певеке пришлось еще посидеть в ожидании заправки топливом.

В первую очередь заправляют пассажирские самолеты, а их теперь, турбинных, на Чукотке столько, что вот, пожалуйста, ждать приходится. Потом топливозаправщик опять промчался мимо: нужно было заправлять вертолет уже без всякой очереди — летел в тундру за больной старушкой. К нашему тихо стоявшему самолету даже песец прибежал из любопытства.

Ну, а потом полет в Магадан, загрузка концентратом — и путь на Москву Транссибирской авиалинией.

А в Европу, кстати, мы вовсе и не сырье привезли. Сырье на один из сибирских заводов «забросили», а в Европу из Сибири захватили электронную аппаратуру.

Вот вам и «сырьевая база».

Крайний Север.

Михаил ХОНИНОВ

Ветер

В степи заполыхали травы,
И люди бросились тушить,
Но тут над пламенем кровавым
Стал ветер
вороном кружить.

Прикинулся он другом добрым,
От нетерпения дрожал
И горлом стокилометровым
Спешил раздуть
степной пожар,

Чтоб ярче полыхало поле,
Чтоб дым пошел от ковылей...
А сам свистел
о доброй воле
И о гуманности своей...

Не свист природы
в ветре этом,
Нет, ни при чем стихия тут,
Когда заокеанским ветром
Пожар вьетнамский
был раздут.

Седок

Не терпит конь
плохого седока,
Он сбросит седока
и убежит,
А кресло терпит
даже дурака,
Дрожит, но терпит,
терпит, но дрожит...

Жадность

Жадный
посмотрел на камень хмуро
И решил его не подбирать,
Потому что камень
был без шкуры,
С камня было нечего
содрать.

Долг

Долг не вернув,
не станешь ты богат,
А дружбу потерять —
какой в том толк!..
Калмыки
справедливо говорят,
Что ножницами режет
дружбу
долг!

Закон

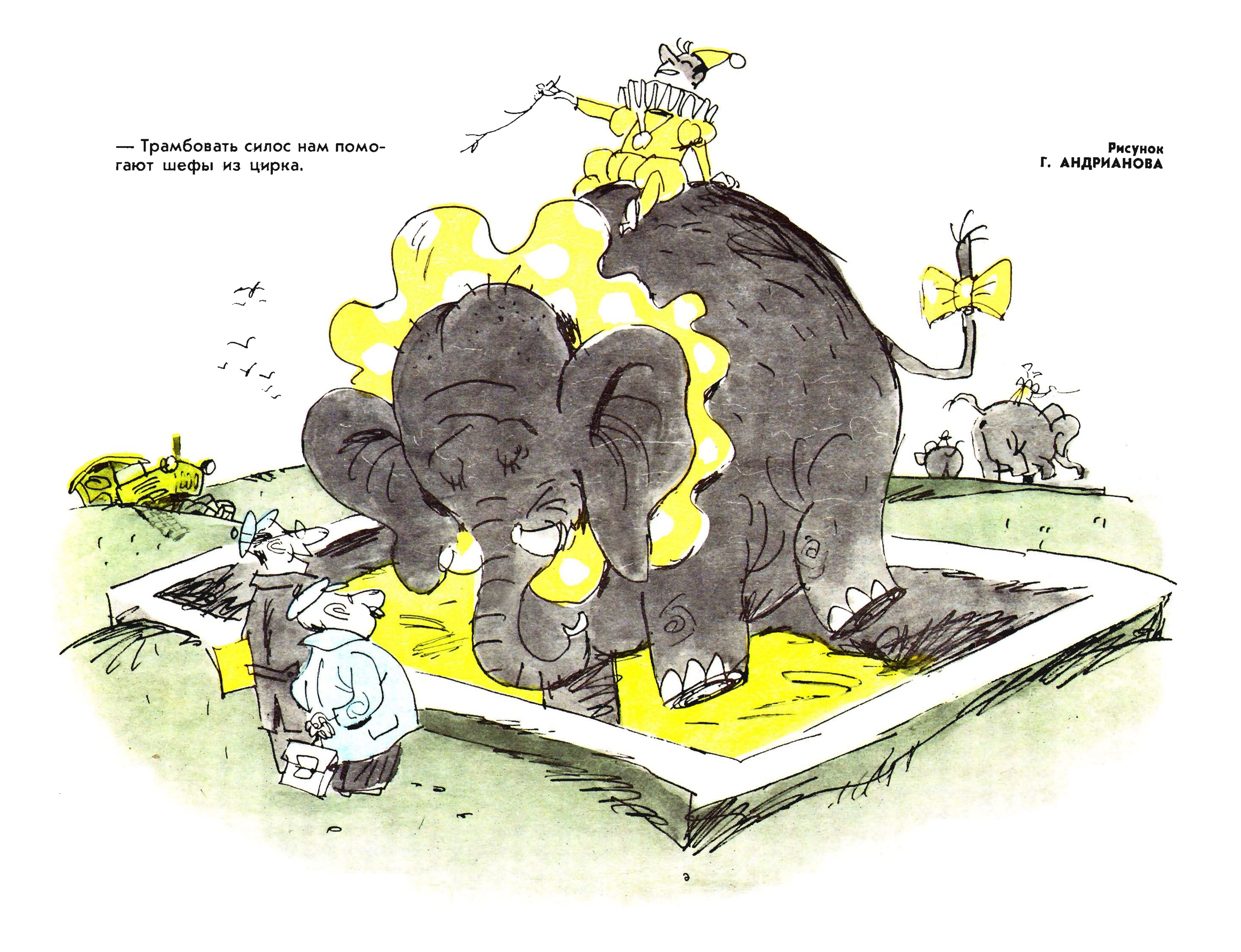
На склонах гор,
в долинах гордых рек,
В родных степях
ведется так от века:
Скотину
не накормит человек —
Скотина
не накормит человека.

Перевел с калмыцкого Андрей ВНУКОВ.

— Здесь продается славянский шкаф?
— Шкаф продан, осталась «экстра».

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

— Трамбовать силос нам помогают шефы из цирка.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

МНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Л. ЛОГИНОВ

Рассказ

— Ну, чего ты этим добьешься?,— спросил я Ботинкина, когда тот решил два раза отдуплиться, чтобы через два хода сделать «рыбу».— Не этим должна сейчас заниматься общественность. Ну, сделаешь ты «рыбу». Ну, еще одну. А завтра что?

— И завтра тоже,— неуверенно произнес Ботинкин, так как соображал неважно. Еще с детства. Из-за педагогов.

— Троечник ты,— дружески намекнул я Ботинкину на его старый недостаток.— Васин машину купил. Легковую. Белую. «Жигули». А ты дуплишься.

— Кости такие! — произнес Ботинкин, показывая ладонь с фишками.— Шесть-шесть, три-три, два-два...

— Два-два! — говорю я.— А у Васина бесшумная пила, топор, электролопата, маскировочный плащ-халат. Импортного производства. Он ночью столик этот спилит, разрубит и закопает. А на его место поставит свой легковой! Белый. И брезентом закроет. Чтоб в глаза не бросался. Понял, Ботинкин, ситуацию и что надо делать?

Ботинкин задумался.

— Ах ты, троечник,— сказал я ему ласково.— Вот тебе ручка, набор цветных чернил, запас бумаги на ночь, промокашка. Пиши, Ботинкин. Во все инстанции. Спасай свое достоинство! От посягательства частника!

Ботинкин макнул перо в чернила, а я посмотрел на его партнера Худобокова.

— Почему вы, Худобоков, смотрите на меня безразлично? Вы же бéлок в клетке разводите.

Худобоков кивнул головой.

— А сидите так, будто вас это не касается. Прощайтесь с пушистыми. С каждой в отдельности. Полиняют они скоро и помрут. Одна за одной. От недостатка кислорода. Это только кажется, что автомобиль легковой, беленький, безобидный. А на самом деле он бутан, пропан и нитроуглекислый газ ночью выделяет. Кошки сразу дохнут. У породистых собак инсульт на нервной почве с полной потерей памяти. Дворняжки потеют. Рисовать умеете?

Худобоков кивнул головой.

— Вот вам кисточка колонковая. Гуашь. Темпера. Масляной немного. Акварель на всякий случай. Ватман и холст. Изобразите Васина и его «жигуленка». Беспощадно! Чтобы он ни себя, ни своего автомобиля не узнал. И надпись вязью. Желательно овалом: «Не проходи! Остановись! Вознегодуй!»

Худобоков сел рядом с Ботинкиным и принялся за работу.

— А тебе, Петя,— обратился я к самому молодому члену компании,— придется переодеться. Снимай пиджак, брюки. Сложи их аккуратно, как в бане, и оставь на лавочке.

Петя быстро сбросил с себя костюмчик.

— Держи! — сказал я ему.— Трусики голубые. Майку зеленую с полосой на спине. Шиповки. Надень все это и разомнись. Как следует. Несколько кругов вокруг дома с ускорениями. Тебе, Петя, большая работа предстоит. Полезная. По лестницам будешь бегать. Собирать подписи. Под просьбой перевести Васина с его автомобилем в другой район. Отдаленный.

Петя переоделся, взял бумагу и побежал. Красиво. Как кандидат в разрядники.

Четвертый член компании, молодой и одаренный Миша Самоваров, возбужденный предыдущими разговорами, был готов к любым справедливым действиям.

— У тебя как с образованием? — спросил я его. — Полное? Неполное?

— Неполное,— сказал Миша.

— Я так и думал! Это из-за них. Автолюбителей. Шум двигателя во дворе мешает творчески мыслить. Материал не усваивается. Отсюда пропуски занятий. Злоупотребление спиртными напитками. Разучивание песен под гитару. Домино. Сомнительные знакомства.

Самоваров на лету схватил мою мысль и немедленно ее одобрил.

— Садись рядом с Ботинкиным,— посоветовал я ему.— И пиши. Объясни, в чем дело. Так, мол, и так. Шумит частный автомобиль. В непосредственной близости от места приготовления уроков. Мешает сосредоточиться. Вот тебе адрес министерства полного образования. Это адреса гуманитарных институтов. Это — технических. Здесь все академии перечислены и техникумы.

Самоваров почесал затылок и сел рядом с Ботинкиным.

А я вдруг размяк. «Нехорошо,— думаю,— поступаю. «Жигуленок»-то васинский на платной стоянке стоит, никому не мешает. Из зависти порчу нервы человеку. Сам давно мечтаю о машине».

Но потом взял себя в руки и пошел к Васину. Сообщить ему мнение общественности. О нем лично и его автомобиле.

Ян ПОЛИЩУК, специальный корреспондент Крокодила

Топ-топ, маленькие ножки

Один мой коллега недавно выступил с фельетоном, в котором поднимал такую актуальную проблему современности, как бытовой шум повышенной громкости. Он сетовал на то, что звуки, издаваемые музицирующим контрабасистом или любителями поздних застолий, приводят подчас к тугоухости окружающих.

Целиком разделяя озабоченность коллеги, я хочу рассказать о возникшем на звуковой почве конфликте редкого своеобразия. Немалый вклад в него внесли славные душанбинские строители. Жильцы дома № 49 по улице Свириденко должны благодарить их за то дружелюбие, с которым на любой чих в квартире десятой тут же звучит «Будьте здоровы!» из квартир девятой, одиннадцатой, а также расположенной этажом ниже восьмой.

Именно здесь, в этом доме, были однажды уловлены не привычные насморочные мелодии, а какой-то дробный перестук. Владелец квартиры пенсионер Раджаб-Али Джалилов, слава богу, еще не достигший критической тугоухости, долго прислушивался в направлении потолка. Вроде бы кто-то шинковал ножом сладкий маргиланский лук перед большим ханским пловом...

— Как ты думаешь, что это? — с тревогой спросил Раджаб-Али Джалилов свою супругу Зою Васильевну, знавшую анкету каждого обитателя дома.

— Диверсия против пенсионеров! — с готовностью отозвалась супруга Зоя Васильевна.— Это, конечно, медики Мусоевы, которые не кланяются по утрам, когда ты покуриваешь в скверике. Давно пора дать им укорот.

Раджаб-Али Джалилов шагом льва поднялся по лестничному маршу, ввинтил указующий перст в кнопку звонка и, дождавшись, когда дверь отворится, рыкнул:

— Какой это слон тут топочет?!

Оторвавшийся от диссертации врач Хисом Мусоев, конфузясь, пояснил, что это вовсе не слон, но если продолжить зоологические сравнения, это скорее газели в лице двух его малолетних дочерей. И впрямь, глазам соседа предстали две девочки в комнатных шлепанцах-бабушах, сразу же попрятавшиеся при виде сердитого немолодого человека за сервант.

— Выведите их из-за этого серванте-са и задайте взбучку! — педагогично потребовал Раджаб-Али Джалилов.

— За что?

— За то, что они травмируют бабушами мой заслуженный организм...

— Это же дети, дорогой сосед! Мы с вами тоже были детьми!

Сосед, учуяв неуместную иронию, разразился такими сочными междометиями, что даже в квартире двадцатой, отстоящей от эпицентра свары на расстоянии двух подъездов, завистливо зацокали.

Тут я предвижу недовольное покашливание проницательного читателя. Дескать, снова нам хотят поведать новеллу из скандально-бытовой серии. Нет, я вовсе не собираюсь делать взнос в копилку коммунальных курьезов. Дело вовсе не в нашем своенравном пенсионере. С дрязгами такого свойства нынче вполне управляются сводные хоры товарищеских судов. Загвоздка в том, что развитие конфликта приобрело слишком уж суровый и даже фатальный оборот.

Вконец распалившись, Раджаб-Али Джалилов тем же шагом льва двинулся к себе. Тут он обмакнул перо в чернильницу и принялся яростно царапать бумагу. И уже к утру на стол судьи Октябрьского района Иосифа Ибрагимова легло заявление приблизительно такого толка: «Как я есть ветеран войны и заслуженный человек республиканского значения, прошу оградить мой отдыхающий организм от безответственного топота вышеживущих детей...»

Обладая чувствительной душой, судья недовольно поморщился. Какие-то неадекватные величины — отставной орел-полковник и две букашечки безмятежного возраста... Неожиданно его взгляд уперся в фамилию истца.

— Ваша фамилия Джалилов?

— Так точно.

— Гм. Так что же вы предлагаете?

— Как что? Чтобы они, значит, топали в другом микрорайоне. Мы с супругой Зоей Васильевной уже и кандидата для обмена уломали.

— Значит, бегают по межэтажным перекрытиям? Это, пожалуй, можно квалифицировать как систематический подрыв правил социалистического общежития... Ну, а еще какие были покушения на нарушения?

Истец резво поскреб в затылке.

— Ага! Три года назад пятно образовали на нашем потолке по причине неисправности крана.

— Ну что ж, это пахнет намеренным разрушением жилого фонда.

— А еще по утрам не снимают шляпу, когда я покуриваю в скверике.

— Вот вам и типичная, можно сказать, невозможность совместного проживания!

Опрометью кинулся Хисом Мусоев на судебное заседание, чтобы тотчас ликвидировать недоразумение. Но было уже поздно. Судья Ибрагимов, странно улыбаясь, прочитал решение, по которому, согласно статье 328 Гражданского кодекса Таджикской ССР, «семья Мусоевых подлежит выселению без предоставления другого жилого помещения, но, принимая во внимание двух несовершеннолетних детей, может добровольно произвести обмен квартиры, а в случае отказа от добровольного обмена подлежит переселению в предложенную истцом квартиру...»

Неверной походкой выйдя из учреждения, где судье Ибрагимову поручена охрана закона, ответчик предался размышлениям. Да, конечно, есть такая статья в Гражданском кодексе республики. Но вроде бы она должна касаться в первую очередь злостных нарушителей правопорядка — каких-нибудь разнузданных субчиков, бесшабашных алкоголиков или ухарей-скандалистов... Но какое отношение она имеет к их кроткой и работящей семье?

Так он брел по улицам прекрасного южного города, и десятки вопросов репьями цеплялись за его хлястик. Почему судья не напомнил зарвавшемуся соседу старую мудрость: «Кто рассчитывает на похлебку другого, рискует остаться со своим хорошим аппетитом»? Почему надо куда-то переселяться, если и места их нынешних служб, и школа, и садик, где проводят свои солнечные продленные дни их дети, всего в двух шагах от подъезда? Почему бы самим Джалиловым не перебазироваться в другой микрорайон, где можно калякать в скверике о неизбывной любви к детям?..

Словом, нелепость этого судебного решения была очевидна. Недаром прокурор республики Владимир Анатольевич Буларгин, краснея за своих коллег-законников, потребовал приостановить исполнение решения суда.

— Братцы, что вы делаете?!

Но братцы, чувствуя себя недосягаемыми для упреков, уже подмахнули приказы судебным исполнителям. И семье Мусоевых, так и не понявшей, что же произошло в этом ясном и светлом мире, уже предстояло увязывать вещички...

Чтобы не утомлять читателя, бросим пристальный взгляд лишь на отдельные этапы развернувшихся событий. Ну хотя бы на тот, который связан с посещением одним из Мусоевых председателя Верховного суда Таджикской ССР Султана Курбановича Курбанова. Председатель, терпеливо выслушав жалобу, экстренно собрал членов суда. Он произнес впечатляющую речь, из которой следовало, что дети — наше будущее и что строительству дошкольных учреждений уделяется должное внимание... Затем, развивая мысль, заложенную в преамбуле, председатель вдруг предложил уважаемым членам Верховного суда утвердить решение первой инстанции о переселении семьи Мусоевых в облюбованное их соседями местечко.

Произнесши эту роковую фразу, Султан Курбанович Курбанов откинулся в кресле, уверенный, что каждое его слово дороже для коллег целой юридической библиотеки. Уважаемые члены Верховного суда погрузились в раздумье. Возможно, при этом кое-кто из них ощутил в глубине души булавочные уколы совести. С одной стороны, какие-то это неадекватные величины — отставной орел-полковник и две букашечки безмятежного возраста... Но, с другой стороны, надо, надо бороться с бытовым шумом... Да и председатель излагал предмет так живописно.

Впрочем, оставим в стороне психологический момент и ограничимся холодными фактами. Никто из высокоинтеллигентных и глубоко образованных судей не поднялся с места и не произнес дрожащим от волнения голосом: «Коллеги и товарищи, что мы делаем?!» Предложение председателя было поддержано.

Что еще отметить для полноты картины? Разве только то, что после утверждения иска в Верховном суде, где председательствовал тов. С. Курбанов, он был одобрен Президиумом Верховного суда, где председательствовал тов. С. Курбанов, и, наконец, получил благословение Пленума Верховного суда республики, где председательствовал тов. С. Курбанов...

Конечно, есть факты в окружающей нас натуре, перед которыми невольно останавливаешься в изумлении. Не знаю, как вы, а я, например, просто не могу усвоить, почему в наш век законности и правопорядка произошла такая ни с чем не сообразная история. Правда, некоторые аксакалы высказывают на этот счет дерзновенную мысль: потому, дескать, что родной сын Раджаба-Али Джалилова, Давлат Джалилов, занимает авторитетный пост ученого секретаря Ученого совета по присуждению ученых степеней кандидата юридических наук при Таджикском государственном университете. И еще, мол, потому, что родной сын председателя Верховного суда республики тов. С. Курбанова, Ахмед Курбанов, проходит курс наук на юридическом факультете ТГУ, деканом которого является тот же Давлат Джалилов...

Но я решительно отметаю эту мысль как нелепую и недостойную.

г. Душанбе.

Автандил АДЕИШВИЛИ

ВСЕ ДОВОЛЬНЫ

В пятницу, в первой половине дня, инженер Гвари оставил на столе записку на имя заведующего отделом:

«В понедельник приезжает из Эфиопии муж сестры моей тещи. Не встретить его считаю неудобным, так что я немного задержусь.

С уважением Н. Гвари».

Во второй половине первой половины той же пятницы заведующий отделом Бурдули написал записку главному инженеру Ахаладзе:

«В понедельник моя супруга защищает диссертацию. Думаю, что мое присутствие обязательно. Поэтому немного задержусь.

С глубоким уважением
А. Бурдули».

Записку он заклеил в фирменный конверт и сунул под дверь кабинета главного инженера.

В конце второй половины пятницы главный инженер Ахаладзе написал на бланке записку на имя директора:

«Уважаемый тов. Георгиев! Мой племянник похитил девушку и увез ее в деревню. Еду туда, чтобы уладить конфликт. В понедельник немного задержусь.

С уважением
Т. Ахаладзе».

Письмо он оставил на столе секретарши.

Перед концом рабочего дня в пятницу секретарша напечатала на машинке записку директору:

«В понедельник мама солит огурцы. Я задержусь. Если захотите «Боржоми», он в холодильнике.

Назик».

Записку она оставила на холодильнике.

В конце рабочего дня в пятницу, когда директору надоело безрезультатно нажимать на кнопку звонка, он написал записку секретарше:

«В понедельник задержусь. Если будут спрашивать сверху, скажи, что поехал в низовые звенья. Если будут спрашивать из низовых звеньев, скажи, что меня вызвали наверх.

Георгиев».

Директор положил записку в холодильник на горлышко бутылки с «Боржоми».

Во вторник, в первой половине дня, инженер Гвари нашел свою записку на столе, на том же месте, где оставил, и уничтожил ее.

Заведующий отделом обнаружил свой конверт торчащим из-под двери кабинета главного инженера. Он бросил конверт в корзинку.

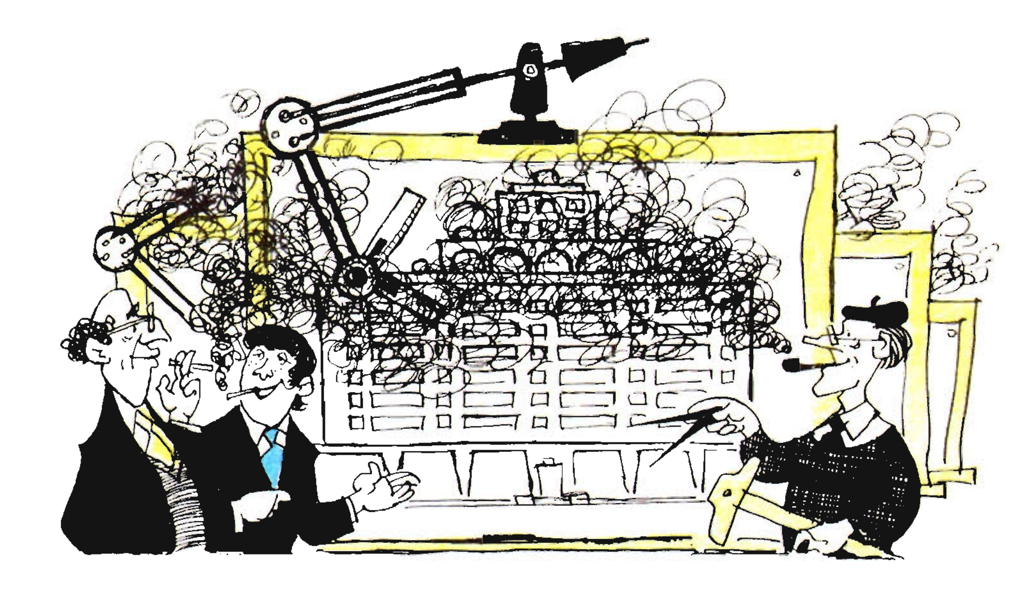
Главный инженер нашел свое письмо на имя директора нераспечатанным на столе секретарши и сохранил его до следующей пятницы.

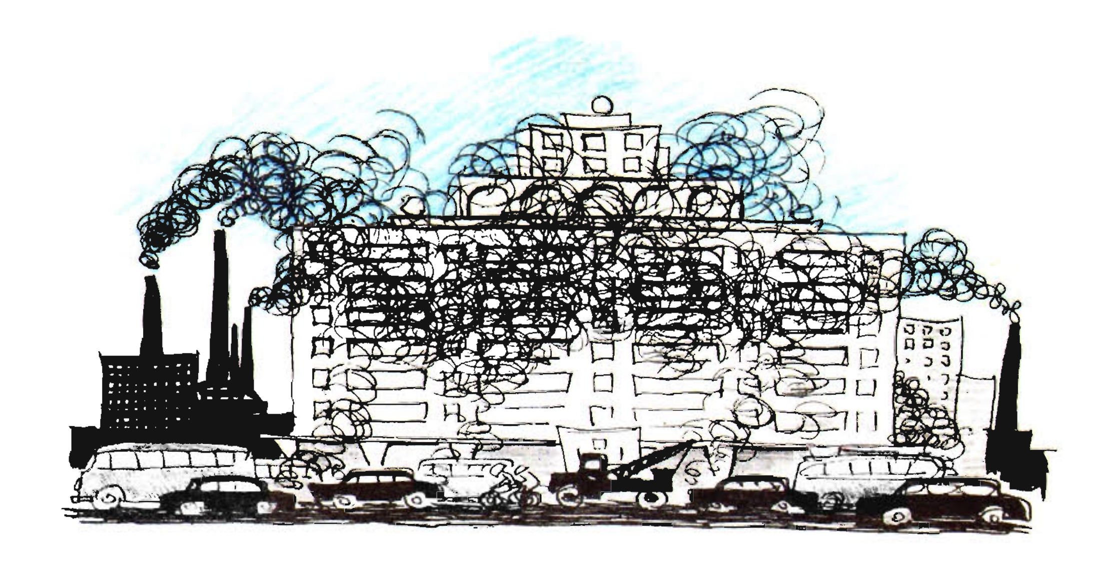
В конце дня директор вызвал секретаршу.

— В понедельник меня никто не спрашивал? — поинтересовался он.

— Нет,— ответила секретарша.— В понедельник вообще никто никого не спрашивал...

Авторизованный перевод с грузинского Н. ЛАБКОВСКОГО.

Точно по проекту.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Александр БРЫНКОВЯНУ

УМЕЛЬЦЫ

— Вот, полюбуйтесь,— с этими словами начальник цеха положил перед главным инженером хлебозавода свежеиспеченную булку.

— Гм!..— неопределенно протянул главный и на всякий случай напустил на себя побольше мрачности.

— Я тоже так думаю: форменное безобразие! И опять этот Кройтору. Видите, вместо одного надреза на булке сделал два. Типичное нарушение технологии.

— Позвать сюда этого Кройтору! — приказал грозный главный.

Когда мастер появился, в него, как снежки, полетели упреки. Он принялся выгораживать себя, явно выгадывая время:

— Вчера, надо вам сказать, исполнилось ровно два года со дня смерти моей бабушки...

— И ты по этому поводу выпил,— вклинился начальник цеха.— И у тебя в глазах двоилось.

— Ничего подобного,— возразил мастер.— Я на работе никогда не пью. С прошлого лета. А просто вспомнил, какими вкусными булочками угощала меня бабушка по праздникам. Делала она их, между прочим, с двумя надрезами, румяная корочка получалась. Задумался я, значит, и не заметил, как сам начал делать второй надрез. Каюсь, мой грех!

— Бабушкины сказки! — фыркнул начальник цеха.— У доброго бракодела всегда в запасе отговорки.

Главный инженер несколько поостыл. Более того, чуть слышно, почти про себя, он пробормотал:

— Славные традиции... народные умельцы... возрождение на новой основе...

Когда мастер вышел, главный обратился к начальнику цеха:

— Сколько он сделал... этих самых с двумя надрезами?

— Целую партию испортил, злодей,— 500 штук.

— Так вот, сделайте еще 500. И отправьте в магазины.

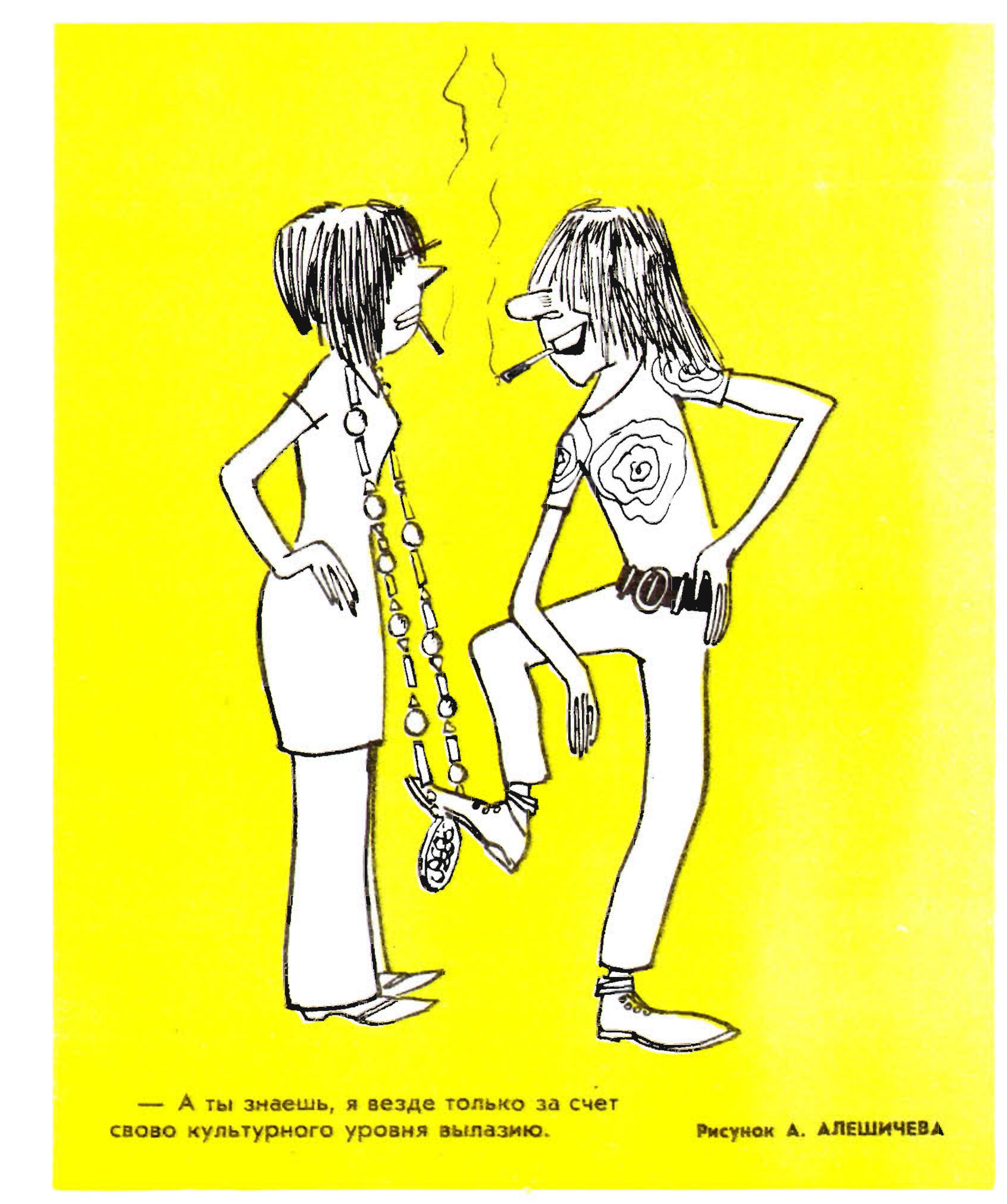
— Ничего не понимаю,— уже за дверьми развел руками начальник цеха.

Он кое-что понял лишь в конце квартала, когда расписывался в получении премиальных за разработку, освоение и внедрение в производство новой продукции. Той самой, что не с одним надрезом, а с двумя. В ведомости значились также фамилии главного инженера, плановика, бухгалтера, инспектора отдела кадров и, само собой, директора.

Не забыт был и нарушитель технологии мастер Кройтору: с него сняли строгий выговор, висевший на нем с прошлого лета.

А булка получила название «Сюрпризная».

Перевод с молдавского.

— А ты знаешь, я везде только за счет свово культурного уровня вылазию.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

ВИЛЫ В БОК!

ГЕПАРД С ТАРЕЛКОЙ

Хочешь не хочешь, придется еще раз писать о таких мелочах, как продажа дефицитных товаров «с нагрузкой». Читатели требуют.

Жители Борисоглебска, например, с ненавистью поглядывают на каменного гепарда, купленного имн в качестве довеска к глубоким тарелкам.

Моряки рыболовного траулера долгое время не могли найти скоб для скрепкосшивателя, с помощью которого они скрепляют документы, наглядные пособия, часто меняющиеся стенды.

Но вот наконец в Калининграде, в магазине «Культтовары» № 41, был обнаружеи этот товар.

Продавец и директор любезно предложили к скобам и саму машинку — скрепкосшиватель. Моряки любезно отказались, объяснив, что этот прибор у них есть. И работает прекрасно. А если выйдет из строя, то есть еще два. Что на каждый рейс им нужно три коробки — три тысячи скоб, а один скрепкосшиватель может работать много лет.

Разумеется, скоб им не продали, а посмотрели на моряков как на людей, спрашивающих в аптеке балалайку.

Точно так же смотрел продавец ленинградского универсама «Выборгский» на безумцев, которые захотели нупить себе одно только кофе. Оказывается, н кофе прилагались такие «сопутствующие» товары, как две пачки вафель и две пачки сахару.

Не слишком ли много спутников для одной баночки кофе?

Одна покупательница, сославшись на распоряжение Ленгорисполкома, отважилась попросить разукомплектовать эти товары. Но в этом ей категорически отказали, сославшись, в свою очередь, на ответ директора универсама тов. Барышева:

«Для кофе всегда необходим сахар, сделано для удобства и по просьбе покупателей, и это не является принудительной нагрузкой».

Нелепые вопросы типа «А вафли тоже всегда необходимы к кофе?» попросту игнорировали.

Сколько раз мы давали себе слово — не писать больше о торговле «с нагрузкой». Надоело! Но что поделаешь, если читатель требует...

Т. ЛОСКУТОВА

УТЕШИЛ...

Это было в вагоне трамвая. На очередной остановке в вагон вошел пьяный, растолкал пассажиров и очень больно наступил мне на ногу. Я обратился к вожатому:

— Скажите, пожалуйста, разве дозволено ездить в трамвае лицам в пьяном состоянии?

Вожатый как-то удивленно осмотрел меня и доверительно ответил:

— Сказать по правде, это не дозволено. Но, если вы будете молчать и сидеть тихо, никто вас не заметит.

К. ИСТОМИН,
г. Ленинград.

Вот вы, да, да, именно вы, дорогой читатель, ведь пьете же вы минеральные и фруктовые воды? Стало быть, покупаете соответствующие бутылки. И, значит, наверняка обращали внимание, как держится на бутылке этикетка (если она вообще держится, а не слетела при первом прикосновении, словно жухлый осенний лист). И, следовательно, не могли не заметить, что этикетка бывает наклеена набекрень, криво-накосо, вверх тормашками, налеплена на горлышко бутылки или, наоборот, у самого ее донышка... Как будто рукой человека, пришлепывающего этикетку, водит истовая ненависть к напиткам вообще и безалкогольным в особенности.

Но мы знаем, что это не так. Нам известно, что этот процесс давно механизирован. Бесстрастные автоматы должны прищелкивать этикетки с одинаковым усердием и к шаловливому лимонаду и к суровому армянскому коньяку.

Но мы знаем, что это не так. Нам известно, что чем крепче содержимое бутылки, тем крепче и солиднее держится на ней этикетка, блистающая медалями международных конкурсов...

Итак, тайна наклейки этикеток из области психологии переходит в сферу чисто техническую. Проблема формулируется теперь так: каким способом равнодушные автоматы безошибочно и благоговейно отличают глубокоуважаемые высокоградусные зелья от достойных презрения безалкогольных жидкостей? Как ведущим конструкторским умам пищевой индустрии удалось их вышколить?

В. АЛЕКСАНДРОВ

УХАРЬ-СОСЕД

Многоквартирный дом № 26-а по Николаевскому шоссе в городе Херсоне гудел, как улей. Счастливые жильцы справляли новоселье.

— Бокал шампанского,— неслось из каждой квартиры,— я с удовольствием поднимаю за...

ВНЕЗАПНО

Зазвенела разбитая посуда, с потолка белым инеем посыпалась побелка, ручейки шипучего вина с журчанием сбегали со стола на пол. Перепуганные новоселы выглянули в окно и увидели в двадцати метрах от дома оригинальное сооружение: лебедкой на высоту около десяти метров поднималась семитонная болванка и с уханьем падала вниз.

Приостановив новоселье, жильцы направились к неожиданным соседям в базу «Облвторчермет».

— Помочь вам ничем не можем,— заверили их там.— Мы прессуем металлолом. Для вас это просто толчки, а для нас — выполнение плана. И вообще мы вас не просили в соседи.

Так вот и живут. Новый дом вот уже два года трясется и буквально разъезжается по всем швам.

— У-ух!!!

Мебель и посуда в квартирах не находят себе места. О людях и говорить не приходится.

В. ЕЛОХИН

А САХАР — БЕЛЫЙ...

И зачем только строят заводы по производству сажи, когда и без них, оказывается, можно обойтись с успехом?

Дирекция сахарного завода в казахстанском городе Чу давно уж наряду с сахаром успешно вырабатывает сажу. Причем неизвестно, чего больше—сахара или сажи. Зато известно, что этой самой сажей покрыты все окрестные дома, сады, улицы.

Санитарная инспекция грозит заводу штрафами и другими карами. И напрасно. А вдруг дирекция обидится, вообще перестанет вырабатывать сахар и целиком переключится на производство столь успешно освоенной сажи?

Б. БОРИСОВ

ДАВНЫМ-ДАВНО

назрела необходимость установить пункт размена монет на улице Маяковского, что в городе Электроугли, Московской области. Пункт должен работать в вечернее и ночное время.

Скажем, подходите вы к этой улице, опускаете в автомат гривенник и получаете два пятака. Теперь вам ничего не страшно.

Когда вы налетите на этот столб и схлопочете шишку, пятак поможет снять боль. И вы можете смело продолжать свой путь.

А. ИВАНОВ

— Техника отказала... Спасибо, спортсмены выручают!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«РЕПОРТАЖ С ХЛЕБНОЙ НИВЫ»

Так назывался фельетон Вл. Митина, опубликованный в № 24 нашего журнала. В нем речь шла о недостатках в организации уборки урожая в некоторых колхозах и совхозах Орловской области.

Как сообщил редакции секретарь Орловского обкома КПСС тов. В. Крупский, фельетон обсуждался на расширенных заседаниях правлений колхозов, партийных бюро и парткомов совхозов и объединений «Сельхозтехника», куда были приглашены также специалисты сельского хозяйства, бригадиры полеводческих и комплексных бригад, счетные работники, заведующие токами.

С руководителями хозяйств и секретарями партийных организаций проведены беседы в райкомах и горкомах КПСС. Виновные строго предупреждены. Приняты меры по устранению недостатков.

«ДРУГИЕ МЕТОДЫ»

В один злосчастный день по Донецку проехали машины с выдвижными «вороньими гнездами», и хмурые мужчины сбросили на землю все ящики с цветами, что висели на балконах домов. Заодно с улиц были убраны скамейки, на которых отдыхали усталые пешеходы. Судьбой цветов и скамеек распорядился главный архитектор города тов. В. Кишкань, который был уверен, что эти мероприятия позволят навести чистоту и порядок («Крокодил» № 18, заметка «Другие методы»).

Председатель исполкома Донецкого городского Совета депутатов трудящихся тов. В. Миронов сообщил редакции, что заметка обсуждалась в горисполкоме. Критика признана правильной. Горисполком обязал управление главного архитектора города и институт «Донецкпроект» срочно разработать более надежные конструкции крепления цветочных ящиков, а городсное жилищное управление — установить эти крепления на балконах. На остановках общественного транспорта установлены скамьи садового типа.

«БЕЗОПАСНОСТИ РАДИ»

В № 24 «Крокодила» был опубликован одноименный фельетон В. Канаева, в котором речь шла о грубом нарушении служебной дисциплины начальником ГАИ УВД Краснодарского крайисполкома Е. Лаптевым во время его командировки в городе Сочи. В нетрезвом состоянии он сел за руль «Волги» и совершил наезд на автобус.

Заместитель министра внутренних дел СССР тов. Б. Шумилин сообщил редакции, что Е. Лаптев освобожден от занимаемой должности и увольняется из органов МВД.

«ЭКСТРАКТ ВЕСЕЛЬЯ»

Председатель сельпо Куртамышского района, Курганской области, тов. Раздронов постарался, чтобы народное гулянье было веселым: он вывесил красочный плакат, призывающий к употреблению спиртных напитков («Крокодил» № 20, заметка «Экстракт веселья»).

Заместитель председателя правления Курганского облпотребсоюза тов. Крупников сообщил редакции, что выступление «Крокодила» обсуждалось на областном совещании руководящих кооперативных работников. Все виды рекламы алкогольных напитков в кооперативных организациях области запрещены.

Ю. СПИРИДОНОВ

САМОДЕЛЬЩИКИ

Самодеятельность бывает всякая. Вам доводилось ехать на работу автобусом, который лишь несколько дней назад сошел с заводского конвейера и отправился из ворот автобазы в свой первый рейс?

Еще заметна свежая масляная пленка на хромированных деталях, еще настолько прозрачны стекла, что кажется, будто и нет их вовсе. Но не на хромо-стеклянное великолепие обращают взоры первые карагандинские пассажиры. Их вниманию настойчиво предлагается настенная роспись неких самодеятельных дооформителей. Это они, самодельщики, уже успели растрафаретить стены салона грозными предупреждениями:

«За безбилетный проезд штраф».

«Контроль общественности — необходимое условие нормальной работы автобусов без кондукторов».

«Граждане пассажиры! Самый строгий контролер в автобусе — ваша совесть».

«Отсутствие разменной монеты не снимает ответственности за безбилетный проезд».

После таких прозрачных намеков просто невозможно тихо положить купленный билет в карман. Сразу же после завершения пятикопеечной сделки с автоматом хочется звучно ударить себя по лбу и вскричать на весь автобус:

— Вот не везет же! Сколько лет билеты покупаю, а счастливый никак не попадается!

Тогда все убедятся, что вы действительно с билетом...

Встречаются самодельщики и среди водителей автобусов. Они густо изукрашивают приборные доски, ветровые стекла, стены кабин сомнительными иллюстрациями из иноземных журналов мод, кадрами из малоизвестных кинофильмов, смотреть которые детям до 16 лет не рекомендуется, и прочей лакокрасочной продукцией.

Когда в автобусе КГЛ 54-35 демонстрируется фотография какой-то гёрл в минибикини из тигровой шкуры, когда на кабине водителя автобуса КГИ 54-40 приклеена обложка журнальчика, на котором крупнокалиберно и не по-нашему написано «Амор — Эрос — Секс» и соответственно сие проиллюстрировано, тогда взрослым пассажирам приходится усиленно отвлекать малолетних несмышленышей от созерцания подобных «шедевров».

Самодеятельность бывает и такая: еще вручают где-то внизу ордера и ключи от комнат, а на этажах от первого до подкрышного самодеятельные плотники, начинающие столяры и каменщики-любители обшивают балконы и лоджии горбылем, рубят, пилят, стеклят... И когда от лунного света зардеет небосклон, влюбленный уже не сможет увидеть свою избранницу. Ибо все балконное пространство занято мебелью, сработанной еще при Иване Калите, заставлено накачанными под давлением в тысячу атмосфер автобаллонами «Мечта рыбака», затоварено бочко- и стеклотарой.

Теперь не проденет сквозь чугунные перила дивную ножку волоокая красавица. Нет больше перил. Они наглухо заделаны шифером, фанерой и бронеплитой, купленной по случаю на списанном в лом миноносце.

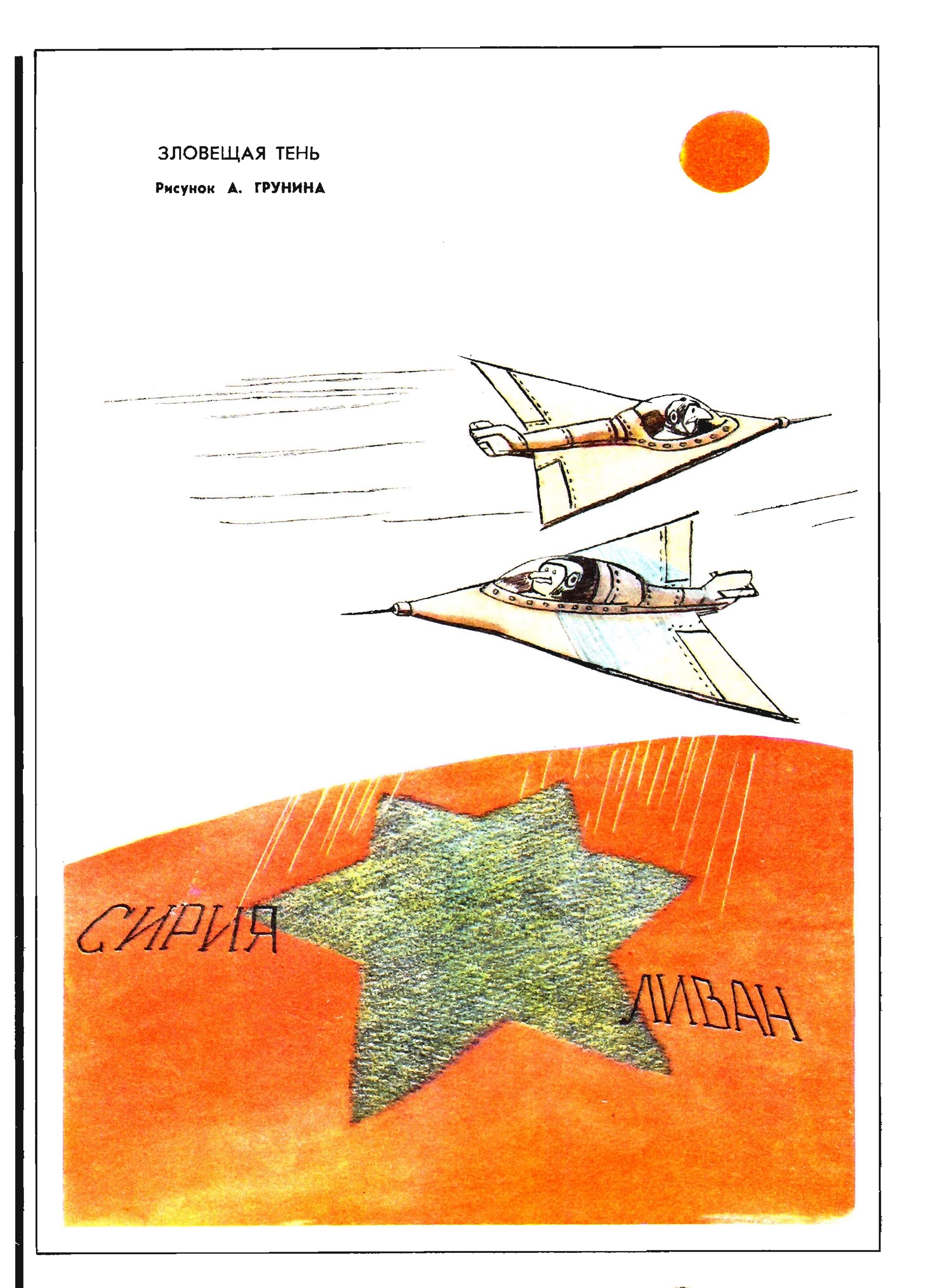
А потом свободный художник-самодельщик наносит последний штрих: над балконной дверью укрепляется капроновый корабельный канат или многожильный телефонный кабель, и круглые сутки полощутся на этой снасти удлиненные брюки, укороченные юбки, тряпки для мытья полов и прочие изделия первой мануфактурной необходимости. От зари до зари трепещут на ветру так называемые предметы дамского туалета и, как флаги расцвечивания, развеваются полотнища ковровых дорожек. И нет числа таким балконам в микрорайонах Нового Майкудука, Юго-Востока и даже в центре Караганды — на улицах имени Гоголя, Нуркена Абдирова, 40-летия Казахстана...

Ликует безнаказанный самодельщик.

г. Караганда.

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ

Рисунок А. ГРУНИНА

Ник. ЭНТЕЛИС

Из какого века?

В Англии растет число лиц, увлекающихся черной магией. Этому способствует, в частности, выпуск «колдовской литературы». Одна из книг, например, обещает научить «вызывать духов с помощью кухонных предметов».

В эпоху синхрофазотрона,
Многоступенчатых ракет,
Нейтрона, лазера, нейлона
Колдует Мэри или Кэт.

Проворно выключив светильник
(Мешает духам яркий свет)
И поплевав на холодильник,
Колдует Мэри или Кэт.

Потом стиральную машину
Установив на табурет
И потерев о крышку спину,
Колдует Мэри или Кэт.

Разбив о плитку край тарелки
(Одна из действенных примет)
И дунув трижды на горелки,
Колдует Мэри или Кэт.

Цветут оккультные науки!
Слетелись духи на обед —
От вековой сбежали скуки
Скитальцы к Мэри или Кэт.

О духи, други человека!
Не откажите дать ответ:
Скажите, из какого века
Явилась Мэри или Кэт?

„МАРСАНС", Испания

Святослав СПАССКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Вавилоном двадцатого века раскрывается нутро парижского аэропорта Орли. Англичане и шведы, негры и японцы, индейцы и индийцы — гигантский людской винегрет в стеклянной посудине аэропорта озабоченно перекликается, пьет пепси-колу, тащит под мышкой отпрысков, размахивает посадочными талонами. Спокойные, стройные орлицы в темно-синей форме управляют всем этим месивом.

Самодвижущаяся дорожка выносит нас в извивающийся хвост очереди. «Что дают?» — хочется спросить. Но здесь не дают, а отбирают. Таможенная проверка на предмет обнаружения оружия.

Детективно воздеваю руки — и молодой застенчивый службист охлопывает мои бока, проверяет линию ног. «Сильвупле, мсье, проходите». Вокруг дам жужжат небольшим хромированным миноискателем. Естественная реакция на авиабандитизм понятна, хочется помочь охраннику хотя бы советом: а загляни-ка, парень, в фотофутляры, там запросто уляжется браунинг. Я уж не говорю о широченных модных узлах галстуков. При желании туда можно поместить не только револьвер, а и декоративную собачку чи-хуа-хуа.

Самолет невыразимо долго трясется по бетону, вот уже, судя по времени, и Мадрид скоро, а мы всё не взлетаем. Наконец свечкой возносится лайнер, вспарывает облака, а внизу топорщатся краснокрышие деревеньки, потом серые вспученности («Пиренеи»,— вспоминаешь из шестого класса) — и сразу вниз, вниз, вниз. Мадрид.

* * *

Далее руководство нашей судьбой переходит к туристской фирме «Марсанс».

Фирме «Марсанс» тяжко. Не так давно основной доход стране приносили цитрусовые, сейчас — туризм. По количеству туристов Испания заняла второе место в Европе. На франко-испанской границе стоит двадцатидвухкилометровая очередь автомашин.

Можно настроить отелей, но второй королевский дворец в Мадриде не построишь. Поэтому туристские группы, направляемые взмокшими гидами, лавинно проносятся по покоям дворца. Во дворце 2 800 комнат, нафаршированных японским фарфором, уникальными гобеленами, курантами и еще чем-то комиссионно-антикварным. 2 767 комнат мы посетить просто не успели. Развив на скользком паркете конькобежную скорость, пробкой вылетели на улицу.

Фирма «Марсанс» показывает нам ослепительный и строгий Мадрид с широкими проспектами и густозелеными парками.

А вот и центр столицы — Ворота Солнца, площадь, набитая магазинами и лимузинами. Здесь возвышается Главное полицейское управление, нулевая точка страны. От нее начинается отсчет километров во все стороны, до Франции, Португалии, Гибралтара.

Улицы забиты такси. Черные автомобили с толстой красной ватерлинией на борту придают городу торжественно-траурный вид. Человеку не под силу создать столько одинаковых машин. Ясно, что они размножаются сами по себе, скорее всего отпочкованием.

Фирма «Марсанс» услужливо выводит наш автобус на автостраду Кастилия—Андалузия, и, надо думать, фирма знать не знает, что, когда мы обедали, наши чемоданы в номерах гостиницы были тщательно перерыты. Смешались в кучу кони из Дымкова и загорские матрешки: торопливые пальцы рыцарей безопасности не удосужились уложить их на прежнее место.

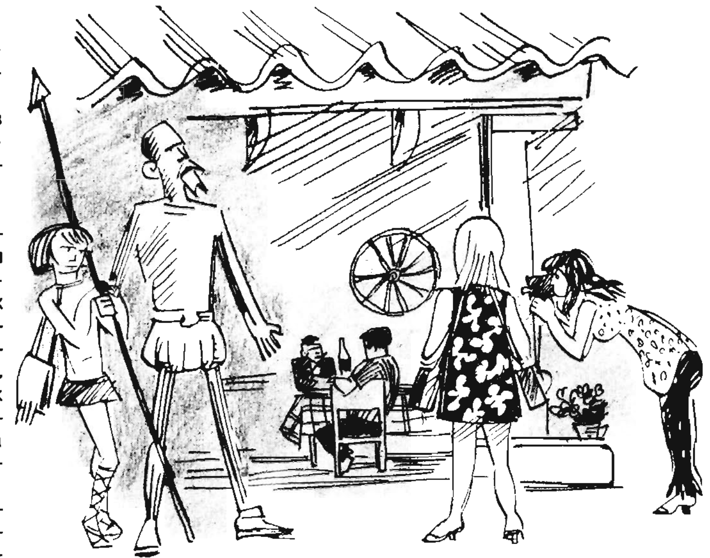
Мчим на юг, минуя аккуратные поля пшеницы и бегущие до горизонта оливковые рощи. Автобус, как коза, шарахается от внезапно наскакивающих реклам. «Наш бензин, наш коньяк, наши сигареты — самые лучшие!» Шестиметровое фанерное чучело предлагает шину, веселящую глаз новеньким протектором. А рядом: «Папа, поезжай поездом!» — жалобно всхлипывает яркая афиша. Это дошлые государственные железные дороги борются с ушлыми частными автобусными компаниями.

И вдруг возникает старый добрый дон Кихот на старом добром Росинанте. Раз дон Кихот, два дон Кихот, три, четыре... Сплошное донкихотство. Это мы въехали на родину всемирно известного литературного персонажа, и тормоза визжат у таверны его имени, и всё кричит вокруг и указывает: вот тут он жил, и мечтал, и вершил подвиги. На холмах расставили крылья те самые ветряные мельницы. А вот и памятник: хитроумный идальго стоит прямо на земле, и вокруг него сосредоточенная туристская возня. Каждому хочется сняться в обнимку с тощим доном — вроде и сам чуть-чуть облагораживаешься...

Это Ла Манча.

По-особому всматриваешься в пейзаж. Начинаются ущелья Сьерра-Морены — где-то тут беглый каторжник увел осла Санчо Пансы. Овцы у края дороги уже не кажутся обычной скотинкой. Это же прямые потомки тех овец, что были приняты Рыцарем Печального Образа за войско цейлонского императора...

И снова маслинно-равнинный ландшафт, и снова свирепый зной врывается в салон, а дудочки эр-кондишена не в силах побороть его, и гид Марьяно в микрофон запевает сладким гондольерским голосом «О Гранада...» Текст нам неизвестен, это не светловская «Гренада», но томная мелодия, и пальмы и желтые апельсины на придорожных деревьях придают нужное настроение. Автобус устало вваливается в Гранаду.

...А он непоколебим, ибо нет девицы прекраснее несравненной Дульсинеи из Тобосо!

В недоумении разглядываем аборигенов Андалузии. Всегда они представлялись нам жгучими брюнетами, а тут все равно что вылез где-то на полустанке желдорлинии Рязань—Юрюзань. Блондинисто-шатенное население явно перевешивает, даже если отбросить процент свежеокрашенных сеньорит.

В сущности, Гранада — небольшой город, в нем не наскребешь и четверти миллиона жителей. Обязательный памятник Колумбу, центральная расфуфыренная улица. Пасти витрин, застывшие в безмолвном крике: «Здесь! Сюда! Купите у нас!» Цены оканчиваются только на «9». Это тоже уловка, психологический изыск: легче выложить за покупку 199 песет, чем 200.

Фирма «Марсанс» не дремлет, она любезно предоставляет нам отель «Версаль», и кельнеры в белых кителях с красными погонами — вылитые суворовцы — суетятся вокруг нас. Все поголовно они нумизматы, и филателисты, и филокартисты,— обыкновенный русский пятак или коробочка спичек с этикеткой «Морской флот СССР. Теплоход «Татария» расцениваются как кусочек лунного грунта.

Фирма «Марсанс» обратит ваше особое внимание на уникальный собор в Кордове. Стены собора смотрятся в Гвадалквивир, а девочки дошкольного возраста с присобоной площади на услуги фирмы не надеются и сами стараются привлечь ваш взгляд. Когда протянутая рука устает, они похлопывают по вытянутым губам двумя пальцами. Это значит: не скупись, иностранец, дай сигарету. Для отца. Отец, возможно, рядовой армии испанских безработных. Таких отцов в стране двести пятьдесят тысяч.

А вот ребята постарше — ровесники наших пионеров. Они прислуживают у ресторанных дверей. Или разносят корзины с продукцией магазинов. «Эль специалиста!» — рекламирует сам себя неунывающий гамен, стуча щетками по сапожному ящику. «Ун сигарильо» — и ботинки сеньора засияют, как щедрое испанское солнце...

Фирма «Марсанс» не показала нам корриду. Сперва мы на фирму обиделись, а потом поняли ее, когда увидели это зрелище на экране телевизора. Фирма чувствовала, что мы обойдемся без корриды, поскольку она все-таки не для нас. Заранее признаю себя нулем в оценке блистательных пируэтов матадора. Понимаю, что и у нас футбольный невежда пожимает плечами: двадцать потных мужиков гоняют один мяч по полю — в чем красота? Одно невозможно сравнить: удар ногой по кожаному мячу и шпагой — по живому мычащему зверю с вываленным толстым языком. Алая кровь рекой стекает со шкуры быка, а бравые бандерильеро под одобрительный рокот трибун, храбрясь, кузнечиками подскакивают к нему. Трижды тычет шпагой матадор в бычий загривок, и все не может попасть в ту самую смертельную точку, и еще трижды будет тыкать...

Поклонники корриды, подумалось мне, могли бы с таким же успехом сесть в кружок и замучить до смерти какого-нибудь совсем беззащитного зверька — кошку, что ли, или ежа. «Бык страшнее», — возразят мне. Да, быку дается один шанс из тысячи — подкинуть рогом кого-нибудь из героев арены. Но и кошка, если ее довести, вдруг да вцепится в глаз...

Я благодарю фирму «Марсанс» за недоставленное удовольствие.

* * *

На протяжении всего пути мы не встретили ни одного представителя крупного рогатого скота, кроме вот таких. Это реклама коньяка.

Под колеса нашего автобуса брошены извилины толедского серпантина. Голубая пропасть справа, а напротив, отражаясь в реке Тахо, громоздится Толедо — неповторимый город-музей, многоэтажная, ступенчатая пирамида, высеченная в скале. Сравнить с ним можно разве что Тырново в Болгарии. Благоговейно восходим мы по шатким ступенькам в дом Доменико Теотокопули, иначе Эль Греко. Вот здесь была мастерская великого художника, здесь кухня, здесь он отдыхал...

Позже узнаем, что этот дом не настоящий. То есть дом как таковой существует, а только Эль Греко и не думал в нем жить. Музей-квартира создана специально для туристов. И хотя ничего особенно незаконного увидеть в этом нельзя, все-таки где-то внутри засела неясная обида.

Изредка расступаются рекламные щиты на обочинах, и в промежутках видишь: вот смуглый крестьянин в сомбреро налегает на рукоятки сохи. Вот шеренга сеятелей с лукошками. Черт возьми, а ведь и у нас такое было когда-то!

Автобус несется мимо: у фирмы «Марсанс» расписана каждая минута.

Эдди РОДЖЕР (США)

БУДУ ЛИ Я ГУБЕРНАТОРОМ?

Высокий пост губернатора штата Коннектикут был явно не для меня, но я страстно мечтал занять его. Мне давно хотелось поселиться в великолепном губернаторском особняке и иметь личного шофера, который всюду возил бы меня в роскошной губернаторской машине.

Поэтому я выбрал самый ходовой способ выдвижения своей кандидатуры. Я заявил, что не претендую на пост губернатора.

Впервые мой отказ появился в коннектикутских газетах примерно год назад. К тому времени в газетах было опубликовано по крайней мере двадцать подобных отказов других претендентов, но, по общему впечатлению, мой был более всего похож на отказ солидного государственного деятеля, и поэтому у меня был самый верный шанс быть избранным.

Один из моих сотрудников произвел тщательное изучение всех отказов, появившихся в печати со времен пресс-конференции, которую провел Цезарь в тот день, когда он переходил через Рубикон. Репортеры из Рима спросили Цезаря, означает ли его переход через Рубикон, что он выдвигает свою кандидатуру на пост императора.

«Господа,— ответил Цезарь, читая по заранее написанной бумажке,— я не являюсь кандидатом на пост императора в настоящее время, и в мои намерения не входит выдвижение моей кандидатуры в будущем. Не мне говорить, что я тот человек, которому суждено спасти Рим. Это должен сказать народ. Так давайте же условимся раз и навсегда — я перехожу через Рубикон только с одной целью: чтобы попасть на другую сторону реки».

Затем Цезарь оторвался от написанного текста и сказал: «Все остальное не для прессы, ребята. Итак, жребий брошен!»

Но вернемся к моей кампании. После того, как мой отказ появился в газетах, я нанял профессионала, который принимал участие во многих политических баталиях и брался протащить меня в губернаторы.

Разумеется, он согласился сделать это не задаром. Мне пришлось пообещать, что, как только я стану губернатором, я назначу его главой вновь созданного департамента. В политике, как и в любом другом деле, сначала добудь нужного человека, а потом плати.

Затем я обратился к помощи телевидения, ибо плохи дела того кандидата, который пренебрегает телекамерой. Прежде чем появиться на экранах, я выступил с пробной речью перед экспертами, которые должны были всесторонне оценить мое обаяние.

Первое место все единодушно присудили моему «смиренному виду». Понравилась также и моя «искренность». Я удовлетворительно справился с таким сложным делом, как «убедительно говорить ни о чем». Но меня наповал сокрушил приговор, который гласил: «Ваш нос слишком велик».

Оказалось, и это было единодушным мнением всех собравшихся, что мой нос слишком мясистый и пористый для того, чтобы я смог стать губернатором не только штата Коннектикут, но и любого штата вообще. До появления телевидения я вполне мог бы быть губернатором и с таким носом. Но теперь — нет! Очевидно, нужно было что-то предпринять.

И я его сменил. Нос, который теперь торчит на моем лице,— не мой нос. Это бывший нос одного моего сотрудника. Кроме того, пришлось слегка изменить глаза. Раньше у меня были холодные глаза водянисто-серого цвета. Но контактные линзы совершили чудо, и теперь большие карие глаза задушевно смотрят на телезрителей с голубых экранов. Эти и некоторые другие изменения в моей внешности были направлены на то, чтобы избиратели видели во мне «прирожденного вождя».

По общему мнению, теперь у меня было самое лучшее политическое лицо из всех когда-либо появлявшихся на экранах телевизоров.

Всего я выступил по телевидению тридцать раз, каждый раз с одной и той же речью. После каждого выступления мои сотрудники распространяли анкету, предназначенную в основном для женщин, так как каждое мое слово, каждый мой жест и движение были рассчитаны только на то, чтобы понравиться женщинам. Анкета распространялась в местах, где чаще всего можно встретить женщин: в магазинах, парикмахерских, на рынках и т. д. Анкета была краткой и деловой:

«После того, как вы видели этого кандидата по телевидению, прослушали его речь и получили представление о его уме, искренности и умении быть вождем, хотели бы вы, чтобы он стал вашим любовником?»

В ходе кампании мне пришлось столкнуться еще с одной проблемой. Люди хотели знать, каковы мои политические убеждения, кто я — либерал, консерватор или занимаю половинчатую позицию.

Политики всегда немножко теряются, когда им приходится отвечать на этот вопрос, потому что, как правило, они сами себе представляют это довольно смутно. У меня раз и навсегда установленное правило: мои политические убеждения варьируются в зависимости от аудитории, к которой я обращаюсь. Например, когда мне случалось выступать перед радикально настроенными студентами Иельского университета, я говорил, что хотя мне и приходится использовать в своей деятельности отдельные элементы политики консерваторов, но при этом я всегда провожу их радикальным образом. Когда же меня слушали студенты, принадлежащие к правому крылу, я признавался, что хотя в некоторых случаях я и действую как либерал, но в душе я убежденный консерватор. Я ношу костюмы, скроенные консервативно, но сшитые в либеральном стиле. В зависимости от обстоятельств я надеваю либерально-консервативные или консервативно-либеральные галстуки.

В настоящее время моя кампания заканчивается. Не выезжая за пределы штата, я наездил более 800 тысяч миль. Я пожал два с половиной миллиона человеческих рук. Я выступил в 150 женских клубах, в тысячах профсоюзных и других организаций. Я знаю народ, его нужды, чаяния, надежды. Я знаю, кого избиратели хотели бы видеть в роли своего вождя.

Боюсь, что не меня...

Перевела с английского Л. ШАСУАР.

УЗЫ ДРУЖБЫ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ТОКИО. 25-летний японский певец Осами Симоши установил новый мировой рекорд продолжительности пения: он пропел без перерыва 48 часов и 21 минуту. Слушатели не дождались побития рекорда — они разошлись по домам.

ЭДИНБУРГ. Судья Фрезер, разбирая в местном суде бракоразводный иск, пришел к выводу, что домашняя тренировка борца может стать уважительной причиной для развода. Истица, жена борца Уильяма Миллера, добилась развода на том основании, что, готовясь к мюнхенской Олимпиаде, «муж волочил ее по полу, ставил на голову и душил двойным нельсоном».

ПРЕТОРИЯ (ЮАР). С разрешения и даже одобрения властей здесь в этом году с особой помпой отмечали день рождения Гитлера. Еженедельник «Паратус», официальный орган армии ЮАР, захлебываясь, воспевал «великолепные победы» Гитлера и сравнивал его с Наполеоном, Ганнибалом и другими прославленными полководцами разных времен и народов. Журнал не уточнил только, что «рейхсганнибал» скорее был «рейхсканнибалом».

САН-ХОСЕ (США). Местный житель Ларри Гермон в течение нескольких лет упорно уклонялся от уплаты налогов. В конце концов его вынудили уплатить задолженность в сумме 2 500 долларов. Полный решимости хоть как-нибудь досадить ненавистным финансовым властям, Гермон доставил им эти 2 500 долларов... одноцентовыми монетами. 250 тысяч монеток были упакованы в двадцать мешков, каждый весом в 20 килограммов.

«Приходим на смену и сразу ведем обработку: станки подготовлены, режущий инструмент установлен так, что не боимся сделать брак».

Газета «Миасский рабочий».

«Объяснительная

В магазине мне отказали отпускать пол-литра водки, мотивируя, что еще рано, только 9 часов утра. Я настойчиво потребовал жалобную книгу и записал благодарность якобы за внимательность и культурное обслуживание покупателей. Прочитав такую фразу, продавец тут же отпустил 0,5 литра водки. Когда я выпил, попался в медвытрезвитель, а затем в милицию. Дали мне 15 суток. Мой месячный заработок 160 руб. По моим подсчетам, моя хитрость обошлась мне 80 руб., не считая морального переживания».

Копию снял Х. Болотоков, г. Майский.

«За халатное отношение к курению и плохое тушение тряпок электромонтера тов. Матвеева лишить премии и предупредить, что при курении необходимо повысить требовательность к самому себе и к промасленным тряпкам».

(Из распоряжения)

Переписал А. Бондарь, г. Красноярск.

Магазин закрыт
уехала на праздник
гулять:
Зав. маг. [подпись]
22/[illegible] 72.

Прислал И. Алексеев, совхоз Порховский, Псковской области.

«14—15 августа я не вышел на работу. Причин нет. Просто не вышел, то есть не горел желанием работать».

(Из объяснительной записки)

Прислала Б. Федорова, г. Макушино.

«НА ВЫСТАВКЕ БУДУТ ДЕМОНСТРИРОВАТЬСЯ РАЗНООБРАЗНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ И КУЛИНАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КРОЛИЧЬЕГО МЕХА И МЯСА».

Объявление в газете «Львовская правда».

«Принять меры к недопущению платы штрафов за простои вагонов».

(Из решения собрания)

Выписал И. Крушановский, г. Киев.

А. СЕМЕНОВ

КОЕ-ЧТО О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ХОККЕЕ

Тренировка.

— Ну, как закончилась твоя встреча с шахматистом - профессионалом?

«В этом году гуртоправ при плане 83 получил от каждой коровы по 84 теленка».

Газета «Красный луч», Бурлинский район, Уральской области.

«Ежедневно на пятиминутках у нас любят много говорить, чем тратят рабочее время. Я предлагаю каждому выступающему на пятиминутке давать регламент не больше семи минут».

(Из заявления на собрании)

Записал Н. Пальчак, г. Актюбинск.

367/п 6 сентября 72.

353381, Краснодарский кр., Красноармейский р-н, п/о Октябрьское пос. Рисоопытный,

Уважаемый тов. Сингильдин Г.А.!

На Ваше письмо сообщаем, что останов эл. будильника при перемене положения предусмотрен конструкцией и это явление говорит о плохом его качестве.

Начальник участка гарантийного ремонта [подпись] /НАЗАРЕНКО/

Ответ 2-го Московского часового завода.
Прислал Г. Сингильдин, Краснодарский край.

«ПОТЕРЯ ПАСПОРТОВ ПРОИЗВОДИТСЯ В КОМНАТЕ № 10».

(Объявление в милиции)

Прислал Е. Маслов, г. Ташкент.

«Мой приятель просил меня подписать показания о хулиганском поведении гр. Фастовец. Хотя во время ссоры я не присутствовал и гр-на Фастовец совсем не знал, по доброте сердечной я и подписал показания».

(Из объяснения)

Копию снял А. Сотников, г. Харьков.

«Объявление

ПРОДАЕТСЯ ЖИВАЯ ЧЕРЕПАХА В ХОРОШЕМ СОСТОЯНИИ.

Смотреть после 6 часов вечера».

Прислал Х. Рубинов, г. Ташкент.

«ГОРЯЧИЕ НАПИТКИ:
ЧАЙ ХОЛОДНЫЙ».

(Из меню ресторана «Спутник»)

Прислал О. Чесноков, г. Полтава.

«Я сейчас совершенно трезвый и могу сказать, что поступил правильно. То, что я перелаивался всю ночь с собакой начальника строительства, не является хулиганским поступком. Я хотел поднять общественное мнение на борьбу с таким безобразием, как разведение собак на балконах. Жаль только, что лаял я в нетрезвом состоянии и что хозяина собаки не оказалось».

(Из показания)

Копию снял А. Соловьев, Семипалатинская область.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«СМЕХ — НЕ ГРЕХ»

Вот уже три десятилетия придерживается этого мнения живущий в Симферополе сатирик Алексей Малин. В новой книжке писателя, которая так и называется «Смех — не грех», парад сатирического оружия проводится почти с юбилейным размахом: тут стихотворные фельетоны, прозаические юморески, литературные пародии, хлесткие эпиграммы и остроумные шутки. И это понятно: выпуск сборника приурочен издательством «Таврия» к 60-летию сатирика.

Дружеский шарж Н. Лисогорского

В параде участвуют и иронические миниатюры, написанные «с подсказкой дедушки Крылова», и короткие побасенки... К примеру:

Прилипла муха накрепко
к липучке.
Но все ж, ногами еле шевеля,
Храбрилась:
— Вы оставьте эти штучки!
Вы знаете, что я
племянница Шмеля?

Многие стихотворения А. Малина знакомы читателям по «Крокодилу», в котором автор сотрудничает вот уже четверть века. И потому-то крокодильцы с особым удовольствием поздравляют Алексея Карловича со славным юбилеем, желают ему здоровья и еще много новых книг — не обязательно юбилейных.

ПОВЕСТЬ О ПРОШЛОМ

— Что это за животные? — спросил Григорий Распутин, с любопытством разглядывая на склоне горы низкорослое стадо.— Ни в Тобольске, ни в Петербурге мы таких не видывали...

— Ишаки, господин Распутин, обыкновенные ослы,— ответил приставленный к царской свите местный князь, генерал-аншеф Александр Чачба.

— Какая же между ними разница? — полюбопытствовал всемогущий фаворит, теребя окладистую бороду.

— Ишак — звание, осел — должность,— позволил себе пошутить владетельный абхазский князь.

О посещении царской семьей Абхазии и многих других событиях из жизни этой бывшей окраины рассказывает Михаил Бгажба в только что вышедшей сатирической повести «Гуарапский писарь». В ней едко высмеиваются сатрапы-наместники, монархическое чиновничество, местные князья и помещики с их тупым гонором и жестокостью, уездные правители и жандармы, дельцы и спекулянты, реакционное духовенство.

«Гуарапский писарь» охватывает и события первых послереволюционных лет. Здесь объектом сатиры становятся меньшевики, буржуазные националисты, нэпманы, кулаки.

Положительными героями выступают абхазские крестьяне-горцы с их природным юмором, добрым лукавством, наигранной простоватостью, славными традициями взаимопомощи и гостеприимства.

Книга издана на абхазском языке издательством «Алашара» в Сухуми. Автор повести Михаил Бгажба — не профессиональный писатель, а в недавнем прошлом партийный работник — прекрасно знает быт и характер своего народа, его прошлое и настоящее.

Рисунок Генчо СИМЕОНОВА (Болгария).

Илия ПОПОВСКИЙ (Югославия)

СЛУЧАЙ С ТОВАРИЩЕМ ГОЙКО

Невероятные на первый взгляд вещи происходят на этом полубелом свете. А вдумаешься как следует — никакой мистики нет. Главное — не торопиться с выводами. Возьмите, например, то, что случилось с товарищем Гойко, служащим Управления по координации объективных обстоятельств.

Гойко, как, может быть, вы уже слыхали, не принадлежал к числу тех, которые приносят свою жизнь на алтарь штатного расписания. Он не горел на работе, не разрывался на части от трудового энтузиазма. Его так называемое рабочее время выглядело обычно так: с 9 до 10 часов — чтение спортивной и развлекательной прессы; с 10 до 11 часов — дискуссия с товарищами по поводу прочитанных новостей; с 11 до 12 — подготовка к обеденному перерыву; с 12 до 13 часов — обеденный перерыв; с 13 до 16 — решение кроссворда, обсуждение с товарищами предстоящего ухода домой, подготовка к этому уходу и процесс самого ухода...

Так все и шло годами. Менялись геологические периоды, общественные формации на земле, а Гойко оставался таким, каким был.

Но вот однажды, а точнее — десять дней назад словно гром грянул в управлении. Неожиданная весть. Гойко взялся за работу!

Как? Зачем? Почему? Никто не имел ни малейшего представления. Первыми, как обычно, прибыли на место происшествия журналисты. Их встретил товарищ Сотир, коллега Гойко, и возбужденно стал рассказывать:

— Никто, в том числе и я, не знает, какие тектонические или иные перемены произошли в психике Гойко... Только вот однажды утром собираюсь поболтать с ним насчет оптовых и розничных цен в Республике Чад. Гляжу, Гойко работает! Протираю глаза — работает! Приближаюсь к нему вплотную, внимательно вглядываюсь. Думаю, может, кроссвордом увлекся человек или детектив читает? Нет — работает человек! Весь наш коллектив шокирован. Словно мешком ударен... Никто не в силах объяснить этот феномен.

Газеты, разумеется, подхватили сенсацию.

Начальник Управления по координации объективных обстоятельств дал интервью. Он заявил, что в коллективе управления давно создана здоровая атмосфера, так что причины аномалии этого Гойко нужно искать в другом месте.

Секретарь профорганизации также подтвердил, что прежнее поведение Гойко не давало никаких оснований ожидать, что он натворит.

В конце концов, как и положено, прибыли ученые. Целая команда социологов, антропологов, психологов столпилась вокруг Гойко. Они сняли отпечатки его пальцев, измерили давление, пересчитали все его белые, красные, синие и розовые кровяные тельца, произвели инвентаризацию мозговых извилин, засадили Гойко за разные тесты. Словом, обследовали его вдоль и поперек. И ничего! Патология есть, а причин не видно, хоть в идеализм впадай.

Наконец кто-то догадался выписать из села отца Гойко. Заплакал старик:

— Что ж ты, сынок, мои седины позоришь? Противопоставил себя коллективу...

Понурил Гойко голову, видно, пронял все-таки отец сына.

— Прости,— пробормотал он,— должно быть, и впрямь гордыня меня обуяла, захотел быть не таким, как все... Даю слово, отец, исправлюсь...

...И верно, исправился: сегодня до самого обеда он обсуждал со своим коллегой товарищем Сотиром вероятность разумной жизни на звезде Канопус.

— И вы утверждаете, что это пластинка с песнями в исполнении Карузо? Но ведь он не пел по-немецки!

— Значит, это перевод.

●

Водолазу, который находился на морском дне, передали по телефону с корабля: «Поднимайтесь скорей, мы идем ко дну!»

●

— Что это за мальчик?

— Это сын генерала.

— Скажите, пожалуйста! Такой маленький, а уже сын генерала!..

●

Одна дама жалуется другой:

— Понимаете, моя милочка, эти негодяи дали моему сыну два года!

— А он что, не виновен?

— Он самый хороший и послушный сын. Все, что воровал, приносил домой.

●

УЛЫБКИ

В салун одного из маленьких городков Аризоны врывается тщедушный ковбой с глазами, налитыми кровью, и угрожающе кричит:

— Кто выкрасил моего коня зеленой краской?

От стойки бара отделяется здоровенный ковбой и вразвалочку идет навстречу тщедушному.

— Я. Что ты еще хотел сказать?

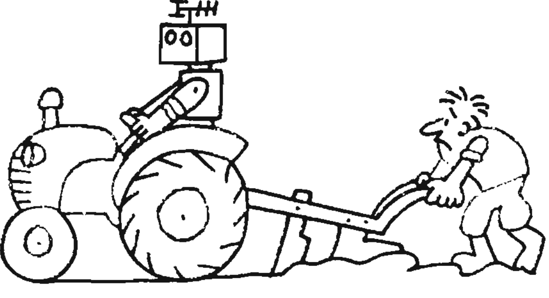
Тщедушный ковбой, отступая, бормочет:

— Я пришел сказать, что краска уже высохла...

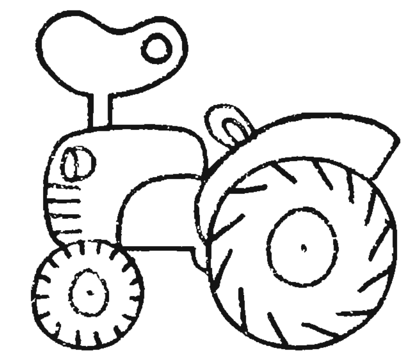
●

Божо КОС (Югославия)

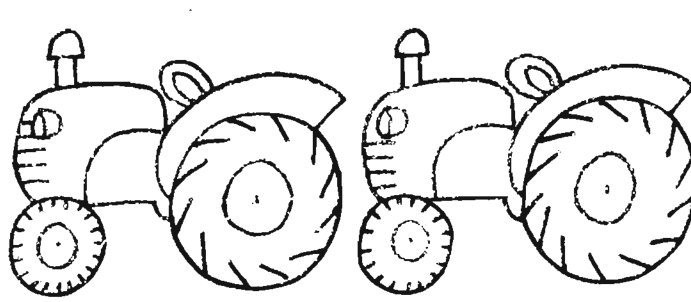
О ТРАКТОРАХ

Трактор-автомат.

Трактор со стопроцентной экономией горючего.

Трактор и комплект запчастей к нему.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Ядвига РУТКОВСКАЯ (Польша)

ЗАВИСТЬ

Когда к ней вернулось сознание, соседка по больничной койке сказала:

— Вы счастливица! Попасть в такую катастрофу и отделаться сломанной ногой! Если бы это случилось со мной, от меня бы и следа не осталось.

Сама она находилась в больнице на исследовании.

В дни посещений к ней приходил муж и осыпал ее цветами. В другие дни нелегально прокрадывался некий гражданин и делал то же самое.

К первой не приходил никто, и вторая однажды заметила:

— Вы счастливица! Мужчины вносят в нашу жизнь только суматоху и волнения. А дети у вас есть?

Первой не хотелось говорить о детях, которые даже не навещали ее, и она только покачала головой.

— Вы счастливица! — завистливо вздохнула вторая.— Без детей совсем иная жизнь. Никаких забот, никаких страхов.

Как это водится в больницах, первая наслушалась о всяких подробностях из жизни второй.

— Что у меня за жизнь! — жаловалась та.— Квартира огромная, набитая разными дорогими вещами. А разве теперь найдешь домработницу, которой можно довериться? Одни растяпы, другие воровки. Стоит только человеку отвернуться, и такая или что-нибудь разобьет, или что-нибудь вынесет. Представляете себе, у меня утащили три ложечки из серебряного сервиза на двадцать четыре персоны. Три ложечки — и весь сервиз насмарку! А вы где держите свои драгоценности?.. Ах, у вас их нет? Вы счастливица! Действительно, лучше ничего не иметь. Человек не отравляет себе жизнь, не надрывается, чтобы сохранить то, что он имеет, наконец, у него есть время подумать о себе, отдохнуть, не то что у меня — жизнь в постоянном нервном напряжении...

Вскоре выяснилось, что первой неправильно наложили гипс, и ее повезли, чтобы заново сломать ей ногу. Когда санитары вывозили каталку из палаты, она услышала, как вторая пробормотала со вздохом:

— Везет же людям — ездит, с новыми людьми знакомится, а тут лежи и лежи в палате...

РАЗНЫХ ШИРОТ

Пал ШОМОДИ (Венгрия)

МОИ КРЕДИТОРЫ

Навстречу мне по улице шел Гереб. Он, конечно, заметил меня, но сделал вид, что рассматривает витрину с аптечными товарами. Эге, мой милый, меня не проведешь!

— Привет, Гереб! Я давно ищу тебя, но никак не могу застать ни дома, ни на работе. А может, ты прячешься от меня?

— Что ты, старик,— возразил Гереб со страдальческой улыбкой.

— Ты понимаешь, зачем я ищу тебя? Я ведь тебе должен. Сколько там было?

— Не помню, не знаю,— пробормотал Гереб и побледнел.— Был когда-то какой-то долг, но ты мне отдал, я знаю определенно.

— Но-но,— сказал я.— не выдумывай. Ничего я тебе не отдал. В апреле ты мне одолжил две тысячи форинтов. Помнишь?

Гереб блудливо отвел глаза и промямлил:

— Может, я только обещал дать тебе взаймы? Прости, я сейчас очень спешу... Бегу...

— Нет, нет,— твердо сказал я, хватая Гереба за рукав.— Подожди.

* * *

Тут читатель вправе пожать плечами: что за глупости? Когда это кредитор пытался отделаться от должника? Что ж, расскажу предысторию этого дела.

В начале года я был должен десять тысяч форинтов Андрашу Брошу. Когда я попытался проскользнуть мимо него, как сейчас Гереб мимо меня, Брош ухватил меня за рукав.

— Хватит! — закричал он.— Мне надоели твои обещания! Мне, между прочим, тоже нужны деньги.

— Ладно,— сказал я.— У меня готова книга. Вот я отнесу ее в издательство...

— Нет уж,— твердо сказал Брош,— я отнесу ее сам. Так будет вернее. А ты дашь мне доверенность на получение аванса.

— Над рукописью еще надо поработать,— ответил я.— Нужно допечатать исправления, все почистить и пронумеровать...

— Меня это не интересует,— сказал Брош.— Давай сюда рукопись. Я сам приведу ее в порядок и отнесу в издательство.

На другой день я позвонил Брошу и поинтересовался, как обстоят дела с моей книгой.

— Мы работаем,— усталым голосом сказал он.— Слышишь, жена печатает, а я считываю листы. Сын нумерует и раскладывает экземпляры.

Через два дня Брош сам позвонил мне.

— Странно,— сказал он,— почему это Петени каждые два часа беспокоит меня по телефону и спрашивает, как обстоят дела с твоей рукописью.

— Потому что я должен Петени три тысячи форинтов. Я сказал, что деньги он получит из гонорара за мою книгу. Я бы тебе советовал и его вовлечь в работу.

Три дня спустя мне позвонил Петени.

— Послушай, — гневно воскликнул он,— не могу же я каждое утро в шесть часов выводить собаку Брошей! Его жена отказывается вставать на рассвете, потому что по ночам она перепечатывает твою рукопись. И каждый день в четыре часа я должен идти к больному тестю Броша и вывозить его в коляске на солнышко, потому что у них нет времени, они возятся с твоей книгой.

— Сожалею,— сказал я Петени,— но это — ваше дело. Деньги даром не дают.

В то время я одолжил четыре тысячи форинтов у Ревеса, которого вскоре уговорил покупать мне продукты и готовить обеды и ужины, чтобы я мог быстрее закончить одноактную пьесу, из гонорара за которую я обещал вернуть ему долг.

* * *

— Итак,— сказал я Геребу,— если ты хочешь, чтобы я отдал тебе долг, тебе придется помочь мне, а то я никак не могу дописать сценарий. Вчера ко мне приехал из провинции племянник вместе с семьей...

— Дорогой мой,— закричал он,— ты мне не должен ни гроша! И никогда не был должен! Привет!

— Стыдись! — кричал я вслед Геребу.— Вот и рассчитывай на друзей! Можешь не надеяться, что я еще когда-нибудь возьму у тебя деньги!

ШИРОТ

— Господин директор! Я рассчитывал на небольшое повышение заработной платы, но до сих пор...

— Нам не нужны люди, которые ошибаются в расчетах. Вы уволены!

●

Мать откровенничает:

— У меня три дочери. Всех троих воспитала, выдала замуж и помогла всем им развестись! Большего нельзя требовать ни от одной матери!

●

Больной был при смерти, и врач решил ободрить его:

— Пульс нормальный, сердце и легкие в порядке, температура снизилась...

— Прекрасно,— прервал его больной,— значит, я умираю здоровым.

●

Без слов.

Вечный друг туриста, всегда готовый помочь.

Рисунки Николае КЛАУДИУ (Румыния).

КРОКОДИЛ

№ 30 (2040)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Лисогорский, В. Мохов, И. Норинский, Б. Старчиков, Ю. Черепанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/X 1972 г. А 00995. Подписано к печати 18/X 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 175 450). Изд. № 2061. Заказ № 3601.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

Девальвация доллара резко ослабила финансовую систему капиталистических стран, вызвала серьезные противоречия внутри Международного валютного фонда.

ШПАКЛЮЮТ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА